

Битва под Москвой и провал германского блицкрига

В. И. Дашичев*

После окончания боев на Правобережной Украине германское командование сразу же приступило к подготовке широкого наступления на Москву. Эта задача была поставлена еще в директиве ОКВ № 35 от 6 сентября 1941 г. В ней говорилось: «В полосе группы армий „Центр“ подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление в общем направлении на Вязьму и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска. И сделать это, при наличии сосредоточенных на флангах мощных танковых сил, посредством двойного окружения».

Одновременно планировалось проведение операций:

- на северо-западном направлении — нанести удар на Тихвин, соединиться с финнами и блокировать Ленинград;
- на южном направлении — осуществить прорыв из района Полтавы через Донбасс на Ростов, а другой частью сил выйти к Харькову и в Крым, обеспечив таким образом выход на подступы к Кавказу. 16 сентября командование группы армий «Центр» отдало директиву с изложением замысла операции на московском направлении, получившей наименование «Тайфун». Планировалось прорвать оборонусоветских войск ударами трех мощных группировок из района Духовщины, Рославля и Шостки в восточном

и северо-восточном направлениях, расчленив советский фронт, окружить и уничтожить главные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов. В дальнейшем пехотные соединения должны были развернуть фронтальное наступление на Москву, а подвижные войска — охватить столицу с севера и с юга. Город намечалось блокировать, разрушить артиллерийским обстрелом, а население — уморить голодом.

Для обеспечения удара по Москве командование вермахта решило использовать максимально возможные силы. Это можно было сделать только путем привлечения войск с других направлений, так как в резерве ОКХ в середине сентября было всего две дивизии. К концу сентября в группу армий «Центр» с южного направления были возвращены 2-я армия и 2-я танковая группа. Кроме того, войска центрального направления были пополнены 4-й танковой группой и двумя армейскими корпусами. Всего во второй половине сентября в группу армий «Центр» было направлено 18 дивизий: две из резерва ОКХ, шесть — из группы армий «Север» и 10 — из группы армий «Юг». В результате на московском направлении были сосредоточены 56 пехотных, 14 танковых и 8 моторизованных дивизий. В них находилось свыше 42% живой силы, 75% танков, 45% орудий и минометов и свыше 31% самолетов от общего количества сил, имевшихся в распоряжении командования вермахта на советско-германском фронте¹.

* Вячеслав Иванович Дашичев — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Верное своим ложным принципам, верховное командование Германии снова сделало ставку на силу первоначального удара, оставив в резерве ОКХ всего одну дивизию². Ему удалось создать на московском направлении превосходство над советскими войсками:

- в живой силе почти в 1,4 раза;
- в танках — более чем в 2,2 раза;
- в орудиях и минометах — почти в 2,1 раза;
- в самолетах — в 2,6 раза³.

30 сентября вермахт приступил к осуществлению операции «Тайфун». Началось одно из величайших сражений в военной истории, которому суждено было оказать крупнейшее влияние на весь последующий ход Второй мировой войны. Сначала удача сопутствовала германскому руководству. Немецким войскам удалось прорвать советский фронт в трех местах и, нанося удары по сходящимся направлениям, окружить к 7 октября в районе Вязьмы войска четырех советских армий. Однако стойкое сопротивление этих армий в окружении сковало более чем на неделю 28 вражеских дивизий, что дало возможность советскому командованию организовать оборону на Можайской линии. В результате крупная группировка сил вермахта не добилась решающих успехов на московском направлении и не смогла с ходу захватить советскую столицу.

Тяжелое положение сложилось для советских войск и на Брянском фронте, на тылы которого вышли подвижные соединения вермахта. Пробиваясь из окружения, войска фронта отошли в район Тулы и южнее. На северном фланге для противодействия противнику, наступавшему на калининском направлении, был создан Калининский фронт, отвлекший на себя 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Сопротивление советских войск все более нарастало, в то время как мощь наступления вермахта шла на убыль. И если Гальдер писал 4 октября, что «операция „Тайфун“ развивается почти классически»⁴, то он глубоко ошибался. К концу этого месяца немецкое командование вынуждено было приостановить наступление и сделать двухнедельную паузу. Это означало существенную потерю темпов, что было равносильно крупному проигрышу. Стала обнаруживаться несостоятельность плана «Тайфун».

Для пополнения войск центрального направления германское командование не могло снять с других участков фронта крупные силы. Дивизии группы армий «Юг» были полностью

скованы тяжелыми боями в районе Харькова, в Крыму и на подступах к Ростову. На тихвинском направлении наступление вермахта захлебнулось. В Карелии и в районе Мурманска немецкие войска вынуждены были перейти к обороне по приказу ставки от 10 октября. В то время как силы вермахта были на исходе, в тылу советских войск, оборонявших Москву, шло формирование 10 новых армий.

Военное же руководство Германии считало: резервы Красной Армии полностью исчерпаны. А советские войска перед группой армий «Центр» — разбиты⁵. Командование вермахта исходило из того, что стоит сделать еще одно усилие — и Москва падет⁶. 12 ноября в Орше состоялось совещание руководства сухопутных войск, на котором было единогласно решено предпринять последний, решающий штурм советской столицы. Все участники совещания — Браухич, Гальдер, Бок и другие генералы были уверены в его успехе.

15–16 ноября возобновилось наступление вермахта. На этот раз в нем участвовали более 50 дивизий, из них 13 танковых и семь моторизованных. За две недели боев немецкие войска с тяжелыми потерями продвинулись севернее Москвы до Яхромы, а южнее — до Каширы. Однако для достижения главной цели — взятия советской столицы, — не хватило ни сил, ни средств. В разгар наступления, 27 ноября, генерал-квартирмейстер генерального штаба Вагнер докладывал Гальдеру: «Наши войска накануне полного истощения материальных и людских сил»⁷. Однако ОКХ, как и командование группы армий «Центр», настаивало на продолжении наступления для захвата Москвы, не считаясь ни с какими потерями. Судьбу сражения, писал Бок в своем дневнике 3 декабря, решит «последний батальон»⁸.

Но все усилия командования вермахта были тщетны. К 5 декабря вермахт был повсеместно остановлен, и советские войска перешли в контр наступление. В сражение были введены свежие стратегические резервы советского командования. Накапливание отдельных элементов поражения вермахта на протяжении всей предшествовавшей с 22 июня борьбы на советско-германском фронте вылилось в зимние месяцы 1941/42 г. в сокрушительный разгром немецких войск под Москвой, дополненный ударами Красной армии по врагу под Ростовом и Тихвином. Стратегия Гитлера зашла в тупик. Все политические, стратегические и экономиче-

ские расчеты, основывавшиеся на плане «молниеносной войны», рухнули.

Еще в середине октября 1941 г. Гитлер признался своим приближенным: «22 июня мы распахнули дверь и не знали, что за ней находится»⁹. Декабрьское контрнаступление Красной Армии впервые с начала Второй мировой войны заставило германское командование перейти к стратегической обороне. Приказ об этом был отдан ставкой Гитлера 8 декабря 1941 г. В нем говорилось: «Главными силами войск на Востоке по возможности скорее перейти к обороне...»¹⁰. Основная цель плана «Барбаросса» — «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной молниеносной кампании», — не была достигнута. Вермахт не только оказался не в состоянии разгромить Красную армию, но и сам потерпел жестокое поражение. Германия стояла теперь перед перспективой затяжной войны, к которой она не готовилась.

Исход этой войны должен был решиться не теми возможностями, которыми воюющие стороны обладали к началу войны, а их способностью к максимальной мобилизации и использованию всех имевшихся у них людских, материальных и духовных ресурсов для ведения длительной войны. В этом отношении Советский Союз располагал несравненно большими преимуществами, чем Германия. Исходя из неправильной оценки характера войны как скоротечной, «молниеносной», командование вермахта допустило крупные просчеты в определении потребных для ее ведения сил, средств и времени. Это особенно сказалось в вопросе о стратегических резервах. Германские стратеги полагали, что им удастся разбить главные силы Красной армии в первоначальных операциях в пространстве, ограниченном рубежом рек Западная Двина и Днепр. Поэтому они выделили в свой стратегический резерв 12,6% сухопутных войск.

Этот резерв был израсходован уже к концу июля. В последующее время в резерве ОКХ оставалось от одной до шести дивизий, хотя общее число соединений сухопутных войск, действовавших на советско-германском фронте, непрерывно увеличивалось за счет свежих сил из Германии и с других театров войны. Отсутствие крупных резервов, что объективно было следствием ограниченности людских ресурсов Германии, не позволяло германскому командованию влиять на развитие стратегической ситуации. Для этой цели оно вынуждено было

пользоваться переброской по фронту армий, корпусов и дивизий. Такой метод компенсации отсутствовавших резервов вел к потере темпов, большому расходу моторесурсов танков, автотранспорта и самолетов.

В конце ноября 1941 г. в резерве ОКХ было всего лишь три дивизии. И это в ситуации, когда немецкое наступление под Москвой уже выдохлось, а на южном и северном направлениях инициатива оказалась в руках советских войск. Показательно, что в это же время у советского командования в резервных армиях было 58 стрелковых и кавалерийских дивизий и семь бригад. Это обстоятельство стало важным фактором полного срыва плана «Барбаросса» и перехода стратегической инициативы на советско-германском фронте к командованию Красной армии.

Советское руководство, правильно оценивая характер войны как затяжной, требующей не одноразового, а длительного напряжения всех сил, придавало исключительно большое значение созданию и централизованному использованию стратегических резервов:

- с 22 июня по 31 декабря 1941 г. в СССР были сформированы 286 новых стрелковых дивизий и 22 дивизии переформированы из других родов войск;
- дополнительно были созданы 159 стрелковых бригад и много других частей¹¹;
- по 1 декабря 1941 г. в действующую армию были направлены 291 дивизия и 94 бригады¹²;
- основная часть стратегических резервов использовалась советским командованием в виде резервных армий и фронтов для решения оперативно-стратегических задач.

В битве под Москвой советское командование превзошло военное руководство Германии и в искусстве использования имевшихся сил и средств. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, анализируя причины провала наступления немецких войск на Москву, писал: «...гитлеровское верховное главное командование, планируя такую сложную стратегическую операцию большого размаха, какой была операция „Тайфун“, допустило крупную ошибку в расчете сил и средств. Оно серьезно недооценило возможности Красной Армии для борьбы за Москву и явно переоценило возможности своих войск... При создании ударных группировок для проведения... второго этапа операции „Тайфун“ были также допущены крупные просчеты. Фланговые группировки

противника, особенно те, которые действовали в районе Тулы, были слабы и имели в своем составе недостаточно общевойсковых соединений. Ставка на бронетанковые соединения в тех условиях себя не оправдала. Они понесли большие потери и утратили пробивную силу. Германское командование не сумело одновременно нанести удар в центре фронта, хотя у него здесь сил было достаточно. Это дало нам возможность свободно перебрасывать все резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к флангам и направлять их против ударных группировок врага. Большие потери, неподготовленность к борьбе в зимних условиях, ожесточенность сопротивления советских войск резко отразились на боеспособности противника»¹³.

Поражение под Москвой оказалось громадным потрясением для Германии. Военно-политическое значение этого события состоит, прежде всего, в том, что «молниеносная война» — основа основ плана «Барбаросса» — потерпела полнейший провал, и Германия оказалась перед угрозой бесперспективной для нее затяжной борьбы. На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер хвастался перед генералами тем, что он обеспечил Германии условия для войны на один фронт. Теперь стала реальной угроза борьбы на два фронта, а в такой борьбе, писал уныло Геббельс в своем дневнике, «империя еще никогда не одерживала победы»¹⁴.

Политическое значение Московской битвы состоит, прежде всего, в том, что, развеяв миф о непобедимости германского вермахта, она:

- окончательно закрепила фундамент антигерманской коалиции великих держав;
- нанесла громадный моральный ущерб блоку фашистских государств;
- оказала отрезвляющее воздействие на прогитлеровские элементы в нейтральных странах;
- дала мощный толчок для развертывания широкой антифашистской борьбы народов. Вместе с тем поражение под Москвой вызвало в вермахте глубокий кризис военного руководства и падение морального духа личного состава. В ходе военной кампании 1941 г. и контрнаступления советских войск под Москвой и на других участках фронта вооруженным силам Германии был нанесен громадный ущерб:
- с 22 июня по 31 декабря 1941 г. только сухопутные войска вермахта потеряли на Востоке, по данным дневника Гальдера, более 830 тыс. человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными¹⁵;
- потери в танках и штурмовых орудиях с начала войны против СССР до 31 декабря 1941 г. оценивались в 2765 единиц¹⁶;
- боевая мощь вермахта была серьезно надломлена.

Для советского народа 1941 г. был годом самых суровых испытаний. Он совершил величайший исторический подвиг — своим героизмом и самоотверженным трудом и борьбой воздвигнул барьер на пути нацистской агрессии, открыв путь к освобождению мира от «коричневой угрозы» и Великой Победе 1945 года.

¹ Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1958. С. 227.

² Кравцов В. Крах немецко-фашистского плана «Барбаросса» // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 37.

³ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 31.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1973. Т. III. Кн. вторая. С. 14.

⁵ Военно-исторический журнал. 1961. № 10. С. 88.

⁶ Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941–1942. L., 1971. p. 139; Carell P. Hitler moves East: 1941–1943. Boston, 1963. P. 163–164.

⁷ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. III. Кн. вторая. С. 74.

⁸ Turney A. Op. cit. P. 150.

⁹ Hitler's Secret Conversations 1941–1944. N.Y., 1953. P. 59.

¹⁰ Hitlers Weisungen fiir die Kriegsfiihrung 1939–1945 / Hrsg. von W. Hubasch. Frankfurt a/M., 1962. S. 171.

¹¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 269–271.

¹² Там же. С. 273.

¹³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 362.

¹⁴ The Goebbels Diaries. L., 1948. P. 386.

¹⁵ За тот же период немецкие войска в Северной Африке потеряли 8,4 тыс. человек.

¹⁶ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht Wehrmachtfiihrungsstab).Frankfurt a / M., 1965. Bd. I. S. 1104.